

КГ 1499075

Михаил Сопин

СНЕГА И СИНИЦЫ

Родился и рос будущий поэт в южно-русских степях, где русское (население и культура) перемешивалось с украинским. От Украины – певучесть его речи, от русского казачества – удаль.

Я оттуда пришёл,
Где певалось и плакалось всласть...

(из поэмы «Агония триумфа»)

Мальчиком Михаил Сопин подолгу жил в селе Ломном, где родовое гнездо сохранила бабушка Наталья Степановна Исаева. Мише она запомнилась разговаривающей прибаутками и в рифму. А на селе её звали «генералом в юбке». В огороде, со времён гражданской войны, был закопан пулемёт – «на всякий случай». А в период немецкой оккупации бабушка посыпала двенадцатилетнего подростка, хорошо знавшего местность, выводить советских воинов из окружения – за линию фронта.

С оружием, к которому такие мальчишки привыкали в самом нежном возрасте, они не расставались, за что впоследствии Миша отбыл в советских лагерях семнадцать лет. Потому-то традиционные лирические мотивы в поэзии Михаила Сопина переплетаются с темами Родины, войны и лагеря.

МИХАИЛ СОПИН

СНЕГА И СИНИЦЫ

Песни и романсы

16+

Вологда
2018

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2=Рус)6-8Сопин

С 64

Сопин М.Н.

Снега и синицы: Песни и романсы / М.Н.Сопин

– Вологда: ИП Киселев А.В., 2018. – 167 с.

16+

ISBN 978-5-906945-15-0

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2=Рус)6-8Сопин

ISBN 978-5-906945-15-0

© Сопин М.Н., 2018

© ИП Киселев А.В., 2018

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Часть этих песен и романсов сохранилась, как авторская песня, на магнитофонной плёнке (под гитару, в авторском исполнении). Часть воспроизведена составителем этой книги по памяти, но музыкальные записи не сохранились.

Есть песни (романсы), музыку к которым писали другие авторы. Например, «Узкоколейка», «Вниз по речке – закат...» – музыка Константина Линка, исполнение Владимира Громова; «Помолчим...» – музыка Веры Бузыкаевой; «Метелью заметает тротуары...» – автор музыки Екатерина Голицына, бард из Санкт-Петербурга; «Звонарь», «Чёрный снег...» – музыка и исполнение Павла Малышева.

Иные песни и романсы вошли в подборку за их певучесть: «Счастье – слов-

но заняли...», «Переснеги», «У края обними...» и другие.

Четыре песни для хора и камерного оркестра сочинил Михаил Гоголин (председатель Вологодского отделения Союза композиторов России), ноты можно найти на интернет-сайте композитора. Множество текстов М. Сопина положено на музыку (для гитары) Александром Матюхиным (С.-Петербург-Болгария). В сборнике их нет, но возможно услышать в авторском исполнении на сайте Вологодской областной библиотеки «Выдающиеся люди...» (страница Михаила Сопина).

Татьяна Сопина

Песни о России

ПРИСНИСЬ

Россия, Россия,
Приснись мне, как прежде,
С серебряной Ворсклой,
С костром на горе!
В судьбе моей осень.
Тускнеют надежды,
В которых так долго
Мог сердце я греть.
Зарядные вьюги
В глаза парусили.
Прошу на прощанье,
Пока не ослеп,
Приснись мне, Россия,
Приснись мне, Россия,
С багровым закатом
В полынную степь.

Ревёт, пролетая,
Метель над крестами.
Грядут мои дни.
Заметёт добела.
Любовь и печаль,
Я тебя не оставил!
Вся в памяти смертной –
Какой ты была.

РУСЬ МОЯ ВОСПЕТАЯ

Русь моя воспетая,
Узы не порви.
Зодчих память светлая –
Храмы на крови.
Столько было пройдено –
Звон цепей вдали!
Сколько ж тебя, Родина,
Во плети секли.

То куют железками,
То во поле в ряд
Бунтари стрелецкие
Янтарём горят.
То на дыбу рёбрами,
То гольём в нужду...
То на место лобное
Ворами ведут.

То кваском, то репкою –
Добр твой нрав и тих.
То к сохе, то в рекруты –
Нет путей иных.
То погост, то госпиталь...
Так с какого ж дня
Ты шагаешь по свету,
Голову клоня?..

В ЛЕДЯНОМ ЖЕЛОБКЕ ВИСОКОСНОГО ГОДА

С нами горе случилось.
Родные мои,
Не вчера ли
Променяли святыню страны
На стальной багинет?
Мы своими руками
Россию вчера расстреляли,
Лишь теперь осознав:
Без былого грядущего нет.
С нами горе случилось,
И нет ему края и брода.
Родословная – прах,
Символ праха, незримая нить.
Перекупщикам-скупщикам
Отдали душу народа
И пустились цинично

Друг дружку судить и клеймить –
Так безжалостно! Так!..

Не прощаюсь ли с вами я, други?
Ну, не ровня, не друг –

Человек обращается к вам...
Тихим ветром распада

Живьём нас метёт по округе:
Тех – по стылым баракам,

Других – по престижным домам.
Мы загнали себя

Лозунгистам-кликушам в угоду.
О своей ли судьбе

Слёзы крутополынные лью?
В ледяном желобке –

В полосе високосного года –
Эскалатор тоски,

Сверху вниз –
Не покинь колею.

И глядим в чей-то рот:
Что-то нам напророчит Мессия?

Что ни цель – то макет,
Что ни залп –

Недолёт, перелёт...
Так боюсь, так боюсь:
Проклянёт, проклянёт нас Россия
За возню,
За грызню,
За беспамятство нас проклянёт.

ГОВОРИЛ Я С РОССИЕЙ НА РАВНЫХ

Неизбежно идут
За земными душевные раны,
Есть ничейные судьбы
Тогда, когда сам ты ничей.
Обо всём и всегда
Говорил я с Россией на равных,
Постигая хребтом,
Что для смертного нет мелочей.
Не пожары, так засухи,
Не голодуха, так войны.
Ураганные ветры...
Конец. Не поднять парусов.
Ты глядела мне в душу,
Говоря: «Не рывками, спокойно»,
Понимая прекрасно,
Что весь я рывок и бросок.

От прямых попаданий
Разносило судьбу, словно терем.
Человеческих душ
Маковели степями цветы.
Через жгучие,
Тяжкие невероятно потери
Открывал я в лице твоём
Таинство новых святынь.

ВОРОНЫ

Не поднимайте гвалта,
Вороны!
Стегай, метель,
Во след стегай!
Остановите
Тройку чёрную
В февральских
Рвущихся
Снегах!
Копыть,
Взметая предсказания.
Судьбе пути
Другого нет:
Мы перед жизнью –
На экзамене,
И перед ней
Держать ответ.

Кричите, вороны,
У тополя,
Картавая даль
Во все концы!
Без вас, без вас
Пропели во поле
Российской славы
Бубенцы.

ЗВОНАРЬ

Церковь – словно погасший фонарь.
Не пойму – слышу звон или помню?
Не зови меня,
Новый звонарь,
На поруганную колокольню.
Нету веры былой.
Нет огня:
Много ль минуло?
Всё ль миновало?
Я тебя не спасу,
Ты – меня,
Как в нашествие ревтрибунала.
Зависть правит толпой и азарт,
Срам и страх с круговою порукой.
Не зови,
Не вернусь я назад.
Мёртвым звоном меня не ауйай.

ОТ ВЕЧНОГО ПОЛЯ РОССИИ...

Не верь,
Что страной я оплёван –
Ханжами, хамьём, мерзлотой.
Глянь –
Песней моей тополёвой –
Листвою
Вьюжит
Золотой!
Не надо мне блаты и злата.
Свет благости вечной
Мне дан.
От Господа –
Искра таланта,
И чувства к живым
Океан...

Из жизни уйдёт
Только тело,
А сам я, как ветер босой,
Пойду по земле
Снегом белым,
Дождём кочевым
И росой –
По лугу, по ярови синей,
В отваленный пахотный пласт.
От вечного поля России
Душа моя не отпеклась.

ТО ЛИ ГЛУПО ВЕРИЛИ...

То ли глупо верили,
То ли люди сглазили —
Обтрепало перьями
Под дождями-грязями.
За доверчивость свою
Вьюг в неделю — семеро.
Птицы — с севера на юг,
А мы — на север с севера...
Вышивалось прошлое
Золотистой прошвою!
А теперь, под именем —
Под тяжёлым инеем.
Не уехать, ни уйти —
Как приказ для воина.
Сердце болью памяти
К Родине приволено.

ОБЛАКА, ОБЛАКА...

Облака. Облака

Над летящими в хмарь колокольнями,
Гонят ветры годами
Остатки легенд и былин.
Чем-то вы мою жизнь,
Мою ниву судьбы так напомнили,
Сиротливые церкви
И тучи в бездонной дали.
Чувство вечных утрат,
Непонятно каких опасений,
Разобрать не могу –
На каком языке говорят,
Будто я, проходя,
Упаду в гололедье осеннем,
И прольётся навек
Невзначай опрокинутый взгляд.
Мокрый снег полетит

На ресницы:
Так грустно,
Так цепко!
Поплынут облака,
Осенив мой печальный удел.
А над берегом так же
Стоять будет тихая церковь,
На которую я,
Проходя по России,
Глядел.

ЛУННО-ПРОСВЕТЛЁННО...

Лунно-просветлённо,
Тучи дальние, вечер тих.
Посвети, печальная
Звезда моя, посвети.
Через тучи, через поле льдистое
Посвети мне, Русь,
Я приду к тебе, одной-единственной,
Сердцем отзовусь.

О войне

СНЕГА И СИНИЦЫ

Снега и синицы!
Живут же –
Такими невинными!
Раскинула чёрный
Судьба надо мной парашют.
Мне снится – не снится
В полуночь
Луна над овинами,
И я на коленях
О чём-то
Кого-то прошу...
Снега и синицы!
Живут же –
Такими беспечными!
Прости меня,
Кто-то,
За что – я не знаю –

Прости.
И дальше иду
По годам,
И с годами заплечными:
Не знал я, не ведал,
Что память
Так тяжко нести.
Снега и синицы!
Живут же
Такими весёлыми!
А я прохожу
По размытой зыбучести дня.
И яростно мёрзну,
Шагая горящими сёлами,
И память
Из прошлого
Не отпускает меня...

В ГОРОДЕ ТИХО

Пете

В городе тихо.
Над городом копоть.
Отрокотал раскалённый «максим».
Дождик октябрьский
Прошёл по окопам
И боевые костры погасил.
Только не верю я
Чёрной засаде.
Не существует она для меня –
Вижу,
Как в темень врубается всадник
И горячит шенкелями коня.
Тени над степью.
Не одинок ли?!

Вера в свободу –
Его командир.
Пристально смотрит он
В линзы бинокля,
Грозно глядит
В перевёрнутый мир.

ПЕРЕСНЕГИ

Романс

Други первых цепей,
Братья маршевых рот,
Не остыл ещё взгляд,
Напряжённый и синий,
Не сковала земля
Мой обугленный рот –
Я ещё на земле,
Рядовые России.
Чуть закрою глаза,
Память тут же своё:
Захлебнулась страна
В бездуховной грязице.
Лет пятнадцать-полста –
Подошло бы жильё,
А кого-то, глядишь,

И награда разыщет.
Стужа жизни, братва.
Чертыхнусь по привычке.
И другим, и себе
Пожелал бы иной!
Снегири под окном,
Два фонарика-птички
Защищают меня
От зимы обложной.
Как бинты пред лицом –
Снега чистого шаль.
Нет надежды в душе,
Нет у сердца рыданий.
Отплывает во мрак
Остров жизни недавней.
Уплывай, островок!
Мне теперь уж не жаль.
За престранный свой путь,
Сей подарок земли,
Выпью водки стакан.
Затянусь сигаретой.

Второпях отлюбил,
Отгорел не согрето.
По моим по цветам
Переснеги мели...

И ГРЕЛА ЖИВОГО...

Живых из живых
Вырывали без списков осколки.
И вечностью было –
До третьих дожить кочетов.
Мы шли в неизвестность
На год, на мгновенье, на сколько?
Живые с убитых
Срывали в дорогу, кто что.
В большом лиховее
Достаточно малого блага:
Ладони в колени,
Свернуться, в скирду завалиться.
И грела живого
Пробитая пулей телага,
Так нынче – уверен –
Не греют тузов соболя.
И снилась не бойня,

Не трасс пулёмётных качели:
Мне – кони с цветами в зубах,
Их несла половодьем весна.
О сколько ж их было,
В судьбе моей,
Страшных кочевий!
И видевших сны,
И не вставших из вечного сна...

ПО СОЛДАТСКОМУ ДОЛГУ – ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

Передумал я дум
О себе, о друзьях,
Но опять, чуть пройду,
Указатель – нельзя!
Но мне выпала доля –
В огонь и дожди:
Я по минному полю
Учился ходить.
От солдатских могил,
От села до села,
Как и многих других,
Меня жизнь провела
Через мёртвые дни,
Через танковый гул,
И сегодня о них
Я молчать не могу.

Мы – военные дети.
Мы знаем врага:
Пулемётною плетью
В лопатки стегал.
По солдатскому долгу –
Терновый венец,
Шли в горящую Волгу
И в красный Донец.
Может, вам, может, маме,
Может, в память отцам,
Над водой подымая
В ладонях сердца,
За солдатское братство,
За вопли лачуг
Дайте право взорваться,
Когда захочу!

Один за всех

ГИБЕЛЬ ТЬМЫ

Гибель тьмы,
Обнажённой огнями.
Сердце рвётся
В погибель огня.
Здесь меня из меня
Изгоняли,
Здесь во мне
Истребляли меня.
Запеклось. Замелось. Позабылось.
Принимаю, припав к борозде:
Мне достались, как высшая милость,
Сквозь ладони следы от гвоздей.
Край родной, разве ради регалий
За тебя я стоял и стою?
Распиная, враги помогали
Сердцем впитывать святость твою.

ЕСЛИ ВЗОРВАНО ВСЁ...

Если взорвано всё за тобой,
И душа – твой последний маяк,
Ты поплачь, ты посмейся и спой,
Поседевшая юность моя.

Если плохо одет и согрет,
Плащ-палатку, как память, накинь.
Помни дом, что стоял на бугре,
И тепло материнской руки.

Если прошлые годы не в счёт,
Не в зачёт напряжённая явь,
Ты поплачь, ты посмейся ещё,
Поседевшая юность моя.

Я ЗНАЮ

Я знаю всё, что ты ответишь.
Ракита дальняя в снегу!
Один за всех на белом свете
Я отчитаться не могу.
Давай прощаться, дорогая,
Вдали посёлки промело.
Я дом отеческий сжигаю,
Чтоб было во поле светло.

КАК БЫ СДЕЛАТЬ...

Как бы сделать, чтоб губы
Не жалели тепла?
Как бы сделать, чтоб глупо
Наша жизнь не текла?
При любой непогоде
Не пьянять – не вина...
И вчера, и сегодня
Есть, о чём вспоминать.
Нашу землю вращает
Смена зим, смена лет.
По закону прощанья
Мы живём на земле!
И нельзя откупиться,
И нельзя опоздать.
Пролетят наши птицы,
Пробегут поезда.

ВПЕРЁД, МОЕЙ ЖИЗНИ ЛОШАДКА!

Вперёд, моей жизни лошадка!
Как тихо, как горестно тут.
Мне стыдно, мне больно, мне жалко
Плодящих в сердцах глухоту.
Какие ж вы были смешные!
Вам – первое место в строю.
Ложились снега обложные
В декабрьскую веру мою.
Глаза – подо льдами кувшинки,
А в них серебристая дробь.
К пушинке слетает пушинка,
К сугробу в объятья сугроб.
Вот так, одиноко ранима,
Душа прогорит на ветру.
Чужая глухая равнина
На тысячи стадий вокруг.

В. ГРОМОВУ

Слева – чаща. Леса.
А направо – обрыв.
А с небес – голоса,
Плачут души в надрыв:
О себе, о тебе,
Обо мне, обо всех –
Как по красному полю
Калиновый снег.
Лопнул свет-грозовей!
А за ним – темнота.
И распяло меня вертикалью плота.
Не видать ничего.
Я ослеп, что со мной?
Заливает глаза
Маслянистой волной.
Но устала река.
И вздохнула вода.

И великою тишию объяло года.
И пока я пытался понять – пронесло?
Поглядел, а в руках
Догорает весло.
Вниз по речке – закат.
Вверх – калина в цвету.
Без весла, без щеста
Я плыву на плоту.
А вода холодна-холодна!
И красна.
И на тысячу лет
Подо мной
Глубина.

ПУЛЯ С ФРОНТА

Пуля с фронта.
Тыл – немилость.
Жизнь – ракитовый листок.
Солнце к западу скатилось.
Белый месяц – на восток.
Тучки в небе –
Хмарью строгой.
У калитки два коня:
Поджидают в путь-дорогу
Други-недруги меня.
Вьётся Ворскла под горою.
Рожь во поле –
К ряду ряд.
О таких, как я, героях,
Тихо в полночь говорят...

Пропадёшь, метель залаёт,
Мужики подтянут в лад:
«Ах, зачем ты,
Доля злая,
До Сибири довела?»
Так веками и годами,
Выходя за ветряки,
Вложат в песню
Смысл кандалальный:
Про Сибирь,
Про Соловки.
Так и я.
Того же корня:
Долей, кровью, волей – в масть.
Да не вышло мне покорно,
Здесь вот,
Намертво упасть.
Чёрны вороны полями.
Что мне, други, суждено?
За одним столом гуляли,
Пели песни про одно:

Всё про дролю, да про волю,
Да растреклятую вражду,
Про могилку под травою,
Коль придётся на роду.
И пришлось бы...

Где ж напрасно
Льётся кровушка ребят:
Кто – за белых,
Кто – за красных,
А всё, землица, за тебя.

Вот и я

Глухой порою,
Доли злой не сторонясь,
Без призыва стал героем.

Путь – железная стерня.

«Далеко ль, – спросил я, – други?»

Но друзьям не до меня.

Только свистнули подпруги.

Прокатился храп коня...

Старший молвил: «Недалечко!»

Младший в небо поглядел,

Два железных
Мне колечка
Молча на руки надел.
Боль отпустит да нахлынет.
Ни ответа, ни кивка.
Я всё полем да полынью.
Други – в сёдлах – по бокам.
Шёл я лесом,
Шёл я лугом.
Годы – речкою круги.
Где-то там остались други.
Лишь прощались – как враги.
Тучи – небом.
Травы – долом.
Ни ночлегов, ни коней,
Ни товарищей, ни дома,
И дороги в память нет.
Вольный ветер.
Сам я волен.
Время сгладило межу.

Тёмным бродом,
Лунным полем
Путь заветный прохожу.
А за речкой, за рекою,
В милой сердцу стороне –
Полно, можно ли такое?
Сон тяжёлый
Снится мне...

НА ХОЛМЕ ТРИ ТОПОЛЯ...

На холме три тополя,
Три ракиты.
Три тропинки во поле
Перевиты.
Первой – шёл я в ночь свою,
Второй – в счастье.
Третьей – в землю отчую
Возвращаться.
В чём же дело, Родина?
В том и дело:
Каждый думал – пройдено,
Значит, в дело.
Каждый верил – сказано,
Значит, к месту!
Отслужили слаженно
Злую мессу –
Не царю небесному,

Со владыкой,
А земному деспоту –
Дичи дикой.
Вместе, славя, хлопали –
Врозвь убиты.
На холме три тополя,
Три ракиты.

Лагерные

ВАНЮХА

Лагерная баллада

Бои под Борисовкой.
Танки. Всё в мареве белом.
Куёт немчура в броневые листы
скакуна.
Мне фриц белобрысенъкий
Тычет под нос парабеллум:
Мол, нюхай, чем пахнет –
Как делают это у нас.
Но я уже нюхал –
От Харькова собственным брюхом,
Буксая в грязище, с пробоиной на
голове.
А рядом военный –
Его окликали Ванюхой –

В зелёной телаге
И в синих штанах-галифе.
Мы встретились с ним
Совершенно в другой обстановке.
Братва по пеналу его называла Седым.
Большие пробеги,
Коротенькие остановки...
Конвой. Вагонзак.
Духота. Ни граммультки воды.
Запела судьба –
Магистралью стальной прогудела.
Стыкуясь, вязались
К тревоге десятки тревог.
Ванюха-Седой
Оказался по «личному делу»
Донецким шахтёром,
Комвзвода Иван Гуртовой.
Последние светлые капельки
Перед грядущим...
В осеннюю морось
Дымит на подъёмах tandem.

Срываюсь гудками
В поля и тревожные души,
Везут эшелоны
Транзитом «ИСы» и «ФД».
И бывшему взводному снится:
Громят эшелоны,
Штрафрота, атака,
По ноздри в кровавой воде.
Конвойные псы.
«Становись по четыре в колонну!»
Бушлат и забурники
С шахтами в Караганде.
Небесная воля
В действительности похоронной...
Последняя капелька горечи –
Вызов судьбе.
На голое тело –
Заряд аммонитных патронов.
Последняя песня...
Последний салют о себе.

БЕЛЫЙ ПАР СКОЛЬЗИТ...

Белый пар скользит по валунам,
Как дыханье трудное, неровное.
Памяти лицо моё бескровное –
На лету замёрзшая волна.

И с тех пор, за криками пурги,
Слышу, если вслушиваюсь пристально,
Лай собачий, и глухие выстрелы,
И хрипящий шёпот: «Помоги!..»

Не кипит, не бьётся в берега
Чёрная река судьбы зловещая.
От кого мне было так завещано –
За одну две жизни прошагать?

НЕ СПЕШИТЕ, СНЕГА, НА ПОМИНКИ

Стужи каторжных мест,
Подывая, летят из глубинки.
А другие уже тут как тут.
Я согреться хочу.
Не спешите ко мне,
Не спешите, снега, на поминки.
От уральских ешё,
От былых не оттаял мой чуб.
А под сердцем костёр.
Так мучительно это пыланье!
Жжёт, той истиной жжёт,
Что не трижды от нас отреклись...
Не нацистам одним
Отдавали детей на закланье –
Со стальной бородой
Жрал гулаговский госреализм.

И не кончился счёт:
И гремят, и горят мои строки.
И не белый
На людном безлюдье
Колеблется стяг:
Не на всех я ещё
В белый свет разослал похоронки,
Не за всех я ещё
Отгорел в этой жизни бродяг.

ЧЁРНЫЙ СНЕГ

Чёрный снег, чёрный снег,
Словно пепел, как сажа.
Ветер треплет его,
Как бумаг перегар.
На деревьях,
У памятников за корсажем
И у набережной,
На пустых берегах.
Чёрный снег,
На тебя я гляжу не во сне.
Не сказать, не сказать –
Как слепишь мне глаза:
И куда ни сверну,
Всюду видится мне
Этот траурный снег,
Чёрный снег, чёрный снег.
Перестань, перестань,

Не мешай мне в пути,
Или – нет:
Мою боль и печаль замети,
Замети без следа
Ту сумятицу дней,
Что прошли, как вода,
Но остались во мне...

СЕДОЙ В ТУМАНЕ СЕДОМ

Лагерная прощальная

Так уйду я, Россия,
Твой загнанный,
Проклятый сын:
Грохнет выстрел, второй...
Пятилетки сочтут поколонно.
Завизжат, заскулят
Слишком поздно охранные псы.
Это будет побег
Мой последний из жизни-полона.
Я покину страну
Нарсудов, лагерей, егерей.
Опрокину до дна
В одиночку стакан русской горькой
За других, за себя
И за то, чтоб ты стала добрей.

Полосатый бушлат
На пригретом сожгу на пригорке.
От твоих «тройников»,
Карантинов и спецлагсудов,
От твоих кузбасс-лагов,
От ивделей, буреполомов –
Мне легко:
Сам седой,
Растворюсь я в тумане седом,
Чтоб ни в мыслях, ни в снах
К твоему не вернуться былому.
Здесь пацанок твоих
Превращали в коблих.
И к гужу
Педерастов-сынов
Приручал черенком местный деспот.
И вчерашним друзьям-коммунистам
Спасибо скажу
За Артек-БКТ,
За хлеб-соль
И счастливое детство.
Есть другая страна –

Двадцать первого века.
В тепле
Там живут старики,
Не добитые жизнью до точки.
Я уйду в ту страну,
Что рисует мороз на стекле
За решёткой двойной
Неизбывной моей одиночки.

ПО ДАЛЬНЕЙ-ДАЛЬНЕЙ

Лагерный романс

По дальней дороге,
По дальней,
По зимней-по зимней,
На длинной кривой,
Как велит машинисту устав,
В крутую полуночь,
Гудок прокатив по низине,
В буран полуночный
Грохочет этапный состав.
Пластаются вёрсты.
Токуют колёса о рельсы.
Убавь, машинист, на кривой
В снеговых бигудях!
Убавь регулятор,
Не будет обратного рейса.

Не жми, не спеши,
Забайкалье гудками будя.
Кочуют теплушки
На край океанского устья.
Любви моей песня
Стремительно мчится к нулю.
Под индевью, нежность,
Под вечностью белой забудься,
Оставь всё, что было,
Чем раньше, тем лучше – молю.
По зимней-по зимней,
По общей-по общей недоле –
В беспамятство века,
В снега, от земли становой,
По русскому полю
Везёт моё сердце в неволю
Без племени-роду
Безвестный
Советский конвой.

Лирические

ТОПОЛЁК

Песенный вариант

Я тебя понимаю, дружок!
До кореньев тебя понимаю.
Сколько раз свою душу ожёг
О бураны на подступах к маю.
Так же чувствую ласку и боль,
Но второе щедрей выдаётся.
Чем-то, тополь, мы схожи с тобой,
Отражаясь в судьбе, как в колодце.
Протяни мне ладонь, тополёк!
Жизнь нас рубит, как яростный конник.
Ты своею листвою поблёк,
Я – своей облетаю тихонько.

КТО-ТО НАС ПЕРЕПУТАЛ...

Кто-то нас перепутал,
И тебя, и меня подменил.
И живём мы, как будто
Берём напрокат наши дни.
Свет за окнами синий –
Но он больше для нас не маяк,
И дыханье, как иней,
Вымерзает на стенах жилья.
Как случилось, скажи мне,
Что наш след заметает пурга.
Почему нам по жизни
Так легко и так трудно шагать?
Не в заснеженных милях,
Где ветер нам в души хрипел,
Мы с тобой заблудились
На прямой и короткой тропе.

КАЛИНА – ГОРЬКАЯ, КАК ПАМЯТЬ

Пришла осенняя прохлада
Дорожкой белой под уклон
В мою единственную радость –
Так запоздавшее тепло.
Зачем-зачем легли туманы?
Зачем несбывшиеся сны?
Калина – горькая, как память,
Дожди, как слёзы, солоны.
Зачем осиновые листья
Качнул багровый ураган?
Зачем ты, иней серебристый,
Упал на дальние луга?
Перекликаясь с облаками,
Шумят снегов перепела!
Калина – горькая, как память,
Метелью белой зацвела.

СЧАСТЬЕ

Счастье – словно заняли –
Прилетит украдкою:
То ли – наказание,
То ли – радость краткая!
То ли в поле скошенном
Бредит дождь шальной...
Да не всё ль ровнёшенько,
Да не всё ль равно?
Вышли други в недруги,
Ошалев от зависти:
К сожаленью, нет других
Привязей и завязей.
Эх, тропа-дорожечка,
С ветрами-побоями!
Потерпи немножечко:
Буераки, сбоины.
Мне ль жалеть,

Мне ль хвастаться?
Наше ль дело плёвое?
Не для нас ли ластятся
Ливни тополёвые?
Огоньку случайному,
Радости с горошину,
Улыбнись – печальному,
Помаши – хорошему.

МЕТЕЛЬЮ ЗАМЕТАЕТ...

Метелью заметает тротуары.
Качаются и стонут провода.
И ветер, шелестя по листьям старым,
Бежит, как будто память по годам.
И вижу я сквозь снежные заносы
И изморозь желтеющей хвои
Любимые каштановые косы
И грустные слегка глаза твои.
И под окном твоим два старых вяза,
Ветвями обнимая синеву,
Из давнего прочтённого рассказа
Передо мной встают, как наяву.

МЫ НЕ ВСТРЕЧАЛИСЬ

Благодарю, судьба, за не случайность!
Встреч ранних нет.
От поздних – огради!
Зачем влачить,
Когда б мы повстречались,
Двойное нищенство
В измученной груди?
Январь. Метёт.
И снова стынь и смута.
И жаль себя,
Что жалко так влачусь:
С полынью слов,
Не сказанных кому-то,
С огнём
Уж никому не нужных чувств...
И не узнал я,
Что такое козни

Двух судеб близких,
Двух смертельных жал.
Я не изведал неприязни поздней,
Но и любви распятой избежал!
Благодарю, судьба, за не случайность!
Январь. Метёт. Снежинки по лицу...
Зачем прощаться нам?
Мы не встречались.
Начала нет.
Откуда быть концу?

СЕРДЦЕ, НЕ ДУРИ...

Сердце, не дури.
Сердце, замолчи.
Всё перегорит,
Как свеча в ночи.
Как уходит вдаль
Караван гусей,
Пролетят года
И печали все.
Всё, что так болит,
Всё, что так гнетёт,
Словно ветер лист,
Время разметёт.

ГРЯДУЩЕЕ – ТЕМЕНЬ

Грядущее – темень.
Былое – распад и отрава.
Давление массы
На красном...
И времени пик!
Идейный гипноз:
Ни налево нельзя, ни направо.
Одно остаётся –
Вперёд, под гипнозом, в тупик.
Мелькают разъезды:
«Любовное». «Счастье». «Удача».
Всё мимо! Со свистом.
Ни жалости в сердце, ни мук.
Свет – гончей по рельсам.
Льёт дождь боковой.
Я не плачу.

А если и плачу –
Льёт дождь, не понять никому.
Вперёд, паровоз!
Как живое дыханье – отсыпка!
Звенит колея.
Ну, колейка,
Ещё попыли
Рассветами, детством
В холщовой рубахе и в цыпках,
И свежестью речки,
И степью в цвету конопли.

ПОРОЙ СЕБЯ НЕ МУЧАЮ...

Порой себя не мучаю –
Зачем метелей шёлк?
И по какому случаю
Я в этот мир пришёл?
Зачем по снегу клюквины?
Закона манекен?
Зачем уйду отлюбленным
И не узнаю – кем?

УЗКОКОЛЕЙКА

Пусто на станции.
Чёрный бурьян.
И позёмка
Переливается,
Перетекает, шурша.
Ветер скитается,
Сумрак глядит из-за стёкол.
Нет никого,
И присутствует чья-то душа.
К ней припаду,
Чтобы памятью давней согреться.
И загудят
Меж зелёных полей поезда!
И зазвенят
Одинокие старые рельсы,
Что заросли
И теперь не ведут никуда.

Поле судьбы.
Только в нём ничего не понятно –
Хмурая, стылая,
Редкая снежная рябь.
Поле судьбы –
Разобщённые скучные пятна.
Поле судьбы
В предпоследней поре октября.
Поле ты, поле!
Единственный свет мой и праздник!
Старых дождей
Отражения в прошлом окне...
Плачу я, что ли,
Листвою осеннею наземь...
Не о чём мне.
Ничего, кроме памяти, нет.

ЗАБРОШЕННАЯ УЗКОКОЛЕЙКА

Вариант в исполнении
В. Громова

Плачу я, что ли,
Листвою осеннею наземь...
Что-то привиделось,
Что-то припомнилось мне.
Поле ты, поле,
Единственный свет мой
И праздник!
Тени дождей,
Отражённые
В давнем окне.
К ним припаду,
Чтобы памятью
Здесь отогреться.

И загудят
Мне в зелёных полях
Поезда!
И зазвенят
Проржавевшие
Старые рельсы,
Что заросли
И теперь
Не ведут никуда...

НЕ ГАСИ, РОДНАЯ, СВЕТ

Всё иду,
Как маленький,
По степи бездонной,
Будто меня маменька
Прогнала из дома.
И летят без жалости,
Бьют дожди немые,
За мои ли шалости,
За грехи мои ли.
По глазам – тяжёлый дым
Стылого застолья.
Для потерь и для беды
Полное раздолье.
Не дорога, маesta.
Моросно-туманно.
Если, мама, что не так –
Ты прости мне,

Мама...

Будто только лишь для нас

Не к дороге обувь.

Декабрём легла весна.

Травы – под сугробы.

Через поле –

Лунный след.

Всё ли в жизни нужно?

Не гаси, родная, свет

В заверти вьюжной.

ЗНАЮ, В ХМУРЫЕ ДНИ...

Знаю, в хмурые дни
Ты подходишь к окну.
Что скрывать –
Всем нам хмарь да окно.
Ты обманешь себя,
Я себя обману,
Но скажу:
«Всё забыто давно».
Говоря, ты молчишь.
И смеясь, ты молчишь.
Вряд ли только
В тревожной судьбе
Голосами дождей,
Лунным светом в ночи
Мы сумеем сказать о себе.
Даже в лучшие дни
Тишиной заперты:

Всё скрываем, молчим да таим.
И лицо, и слова, и улыбка –
Не ты!

Только слёзы у сердца – твои.
Может быть, с той поры
В нас осталось добро –
Задыхаться, страдая в тиши.
Мы с тобою –
Как старые письма на фронт...
Не пиши, что в груди,
Не пиши.

ЛЮБОВЬ МОЯ, БОЛЬ, ВСЁ ЗЕМНОЕ...

Любовь моя,
Боль,
Всё земное
Пройдёт – не оставит следа.
Откуда ж и кто
Так за мною
Глядит и глядит по годам?
Ни вёрст. Ни дорожного знака.
Лишь лунный
В безбрежности чёлн.
Смеяться хочу...
Или плакать?
Мне больно,
Так больно...
О чём?

Вдали,
За деревнею –
Месяц.
Так в чём-то мы схожи,
Что жаль!
Вот так за отеческой весью
И я ввечеру пробежал.

ГЛЯНУ ВО ВСЕ СТОРОНЫ...

Гляну во все стороны —
Как же снег не свеж!
А за мной укорами —
Пятьдесят надежд.
То холмы, то ямины,
Стёжка к полынье
Да раздумья мамины
О судьбе моей.
Что печаль, что мужество —
До предела, всласть.
Жизнь, как нить жемчужинок,
Вдруг оборвалась.
Надо мной, над всеми ли —
Глуховая тьма.
А по ней рассеяли —
По полыни мак.

ПОМОЛЧИМ

Помолчим.

Больную память я не трогаю.

Слёз удушье: дорогая...

Дорогой...

Весь свой путь

Прошёл разлучною дорогою.

И пришёл к тебе – другой.

И сам другой.

Заморожено на сердце,

Заморочено.

То, что было,

Не воротишь – помолчим.

Наша молодость страною укорочена,

Перечёркнута

Без смысла и причин.

Ты прости меня, далёкая, родимая,
Не брани за преждевременность седин:
За утерянное, за необратимое!
Жизнь уходит.
Ты одна. И я один.

ОСЛЕПШИЙ ЛЕБЕДЬ

Здесь я в детстве летал!
И в нежнейшем ракитовом лепете
Есть мой радостный голос.
Так больше теперь не поют.
Злые силы меня превратили
В ослепшего лебедя
И пустили на волю,
Открыв заповедник-уют.
Крылья волю почуяли,
Если взлетали, вы знаете!
Небо, воля, и крылья,
И ветры манили меня.
Ведь глухие сердца
Не сумели лишить меня памяти —
Чем я жил и живу,
Буду жить до последнего дня.
Время жёлтых ракит...

За последними, может, метелями
Там, в суровом краю,
Если слышишь меня,
Ты поймёшь,
Для кого на земле,
Окантованной пихтами-елями,
Пишет тайные знаки,
Шипя по периметру, дождь.
Время жёлтых ракит...
Как мы поздно становимся мудрыми,
Так нелепо приветствуя
Мыслей не наших полон.
Лики храмов бревенчатых,
Слушайте голос заутрени.
Возвратилась душа моя
К вам,
На последний поклон.

И ОПЯТЬ СОГРЕВАЮСЬ...

И опять согреваюсь
У белого стылого полымя,
Правым боком припав
К продувному
Судьбы пустырю.

И поёт мне метелица
Голосом сизого голубя.
И с улыбкой замёрзшей,
Не помню уж, сколько,
Стою.

Через снежное поле
Теплее ловлю колыбельную.
И хочу, чтоб так длилось,
И ветер прошу:
«Ты подуй...»,

И зелёной звездою
Снежинка
В ладонь мою белую
Опустилась, как с ёлки,
В туманном каком-то году.

СКОЛЬКО РАДОСТИ...

Сколько радости, сколько азарта,
Сколько птиц и дождей-заволок!
Лишь ко мне ни сегодня, ни завтра
Не раскатится трелью звонок.
Был на этой земле или не был,
Надо мною хлеба да поля.
К горизонту по чёрному небу
Прокатилась звезда, пропыля.
Не к богам, не к царям певчей птицей,
Дождевой беготней по стерне,
Так хочу в ту страну возвратиться,
Где давно меня в памяти нет.

Бытовые

ВЕРОЧКА-ВЕРА

Чем дальше, тем выше
Дома – одиночества глыбы
В распятое тело
Бетонные гвозди ввели.
Всё меньше на свете
Простых родничков и улыбок,
Естественных песен
И запахов чистой земли.
Но есть же, наверное,
Мудрость на свете иная –
Не будет пощады в грядущем,
В ком жалости нет.
Её распиная, мы души свои распинаем,
Как за морем синим
Сгубивший себя континент.
Я знаю, я вижу,
Как где-то там, в сумерках серых,

Согбенно согнувшись,
Ни разу не глянув назад,
В дымы и закаты
Уходит вчерашняя вера,
От едких дождей
Опустив капюшон на глаза.
В дымы и закаты
Уходишь ты, Верочка-Вера,
От едких дождей
Опустив капюшон на глаза.

НАД СВЕТЛОЙ ПАМЯТЬЮ ВОДЫ

Зайду на мостик по приречью –
Покой. Ни уток, ни коров.
Похмельный ветер косной речью
Да глуховая немь дворов.
Щепотку соли не позычу,
И на растопку нет огня.
И прокляну косноязычье
Во славу нынешнего дня.
И долго-долго будет биться
Душа, глотая горький дым,
В мазутной речке красной птицей
Над светлой памятью воды.
Служи, душа, служи молебен,
Кляни судьбу или жалей.
Всё напряжённей в отчем небе
Неверный росчерк журавлей.

КАК НЕМО, КАК СТЫЛО...

Как нemo, как стыло, как слякотно, как
невозможно!

Согрейте мне сердце, разгульные хоры
снегов!

Я дико устал – бросил руль, или
попросту вожжи.

Я дико устал и не вижу вдали ничего.
Всё спуталось в сердце, то хмелем, то
горечью пьяной.

Всё спуталось, сбилось, склубилось в
единый клубок.

Живу постоянно, надеждой одной
обуянный –

Что путь недалёк и обрыв с поворота
глубок.

Как будто я проклят и загнан насильно
на землю...

Как немо, как стыло, за хлябями –
хлябь без конца.
Подайте мне чашу, налейте мне,
недруги, зелья,
Полнее, по-царски, настоя на ваших
сердцах!

ОКОНЧЕН ДЕНЬ

Окончен день.
Закончен вечер,
Как звон былого бубенца.
Морально выцветшие речи
Не жгут, не радуют сердца.
Всё так же окна бьёт Афонька,
Альфред выходит на дебют.
И богородицы тихонько,
Собравшись вместе, водку пьют.
Перемесив друг дружке скулья,
Пойдут домой – вершить дела.
«Шумел камыш, деревья гнулись!
А ночка тёмная была...»

ГАСИТ СВЕТ ГОРОДСКАЯ ОКРУГА

Гасит свет городская округа.
Трудовой и служивый народ
Под февральские тощие выюги
Побрякушки-частушки поёт:
«Ой, Москва-Москва-Москва,
Великороссская тоска!
Человечью белую –
Я из пайки сделаю».
Шапки. Шубы. Шавки. Моськи.
В саван белый край одет.
Как хозяин – гость заморский:
«Я – российский диссидент!»
Шоры-ёры, разговоры!
Гость, по-да-ай го-вя-ди-ны-ы!
Все мальчишки наши – воры.
Все девчонки – дядины.

Что в уме, что в тюрьме.
Только ноздри не рвут,
Как Хлопушे.

А за стенкой тюрьмы –
Наизнанку умы!

Упокой ты их, Господи, души...

Над Россией белый снег,

А под снегом – красный смех.

Ртov воронки.

И бездна глазниц

Под охраной державных границ.

ОБЕЛИСКИ

От себя голова поседела.
Со счастьем других не дури:
Я б сегодня
Под дулом не сделал,
Что бездумно вчера натворил.
Чьим восторгом шалел,
Словно бредом?
Не своей правотой принимал...
Забывал,
Где ударил, где предал,
Поглупев от чужого ума.
Доброта ли, любовь – показуха!
Глубоко безразличен ко всем.
Потому-то и в глотке не сухо –
То в солёной, то в горькой росе.
Только – нет,
Не оглох я от быта.

Мне, и мёртвому, боль суждена.
Кем-то, может,
Но мной не забыта
Ни своя, ни чужая вина.
Где-то мы от родимых и близких,
Ради мест призовых, отреклись,
И глядят сквозь снега обелиски
С болевой
Напряжённостью лиц.

У края обними

Романсы

НЕ ЗАВИДУЙ ПТИЦАМ

Не лги себе,
Не тешься прошлым милым
И тем, что стынь теперь,
И нет тепла.
И здесь обман,
Обман и в том, что было.
Там молодость в душе твоей была.
И, Бога ради,
Не завидуй птицам.
Свобода в нас не закипит ключом.
Чтоб стать собой,
Нам надо так забыться!
Забыть, не знать...
Не помнить ни о чём.
Находок нет.
Мы только лишь теряем.

И ценим всё,
И любим лишь впослед.
Поверь, для многих
Нынче будет раем
Спустя,
Когда пройдёт немногого лет.

АХ, КАК ПЕЛ СОЛОВЕЙ...

Ах, как пел соловей нынче утром!
Залётный дружище,
Я здесь тоже залётный.
И рано, как ты, поднялся.
Спит глухой околоток,
Пока ты звенишь и кружишься.
Тут давным уж давно
Под воронью встают голоса.
Голубарь мой, я тоже
На зорьке на ранней под дождик
В сонный, в Миргород плотный,
В железный,
Концерты даю!
Мне, по правде, запреты –
Как ветру равнинному вожжи:
Север окна зашторил –
Раскатимся трелью на юг!

Если я замолчу,
Ты не думай, что всё перемёрло.
Это сердце моё отлетает
Подранком в апрель:
Соловьиную песню любя,
Перешибли мне горло,
Чтоб храпеть не мешала
Моя предрассветная трель.

К ИСХОДУ

Не возвращайся, Бога ради,
Не вспоминай мой крестный путь:
Давно сожжённые тетради,
Молитвы мёртвые забудь.

Поверь –
К исходу всё, к исходу! –
Душе и сердцу своему,
В мою тюремную свободу,
В твою свободную тюрьму.
Слепой тюрьмы дурман,
Событий
Вихрь не коснулся нас ничуть.
Мы в жизни Богом не забыты!
А суд общественный забудь.

НЕ ПРИКРЫВАЙ СЕДУЮ ПРЯДЬ

Не прикрывай седую прядь.
От разных мыслей
Так беззвёздно!
Нам, друг мой,
Рано помирать,
Но жить иначе...
Право, поздно.
Что мне хранить
И что – беречь?
Былое – аргументом веским:
Я избегаю близких встреч,
Чтоб расставаться
Было не с кем.
Бог знает,
Сколько нам нести
Идеей скомканые души?

Забудь о проклятом пути –
Года прошли, а боль не глуше.
За нами следом шла молва...
Мы загнаны, но не добиты!
Не надо слов.
Забудь слова,
Когда от них одни обиды.

СНЕГИРЁЧКИ

Снегири. Снегири. Снегирёчки!

Отожглась моя жизнь,

Дни и ночки.

В вихревых, фронтовых

Выюгах зорних!

В косяках,

В босяках,

В беспризорных.

От холмов, от равнин –

Моя доля:

Здесь друзей хоронил

В сером поле.

Снегири,

Мне тепло, снегирёчки:

Уж теперь под уклон

Дни и ночки.

Ни левей, ни правей – по полыни.

Ух, как льёт к голове счастья иней!

БОЖЕ МОЙ!..

Боже мой!
Куда прошли, когда
Молодости звонкие года?
Отшумели мы с тобою, друг,
Незаметно как-то,
Как-то вдруг.
На твоём лице морщинки лет.
На моём –
Дождинок горьких след.
И осталась –
Как у всех, всегда –
Жизни непроточная вода.

ТЁМНЫЙ И БУЛАНЫЙ

Лунно лугом.
Пусто, тихо в поле:
Ни костров, ни песен. Немота.
Русь ли вас лишила
Вольной воли?
Русь сама
Давным-давно не та.
Не цветут в степях глаза и шали.
Смолк, отцвёл и я,
Ваш побратим!
Говорил, когда вас петь лишали:
Мы себя в невольных обратим.
Нету сердцу вашему причала
От молдавских гор до Иртыша.
Оскудела в жизни,
Одичала
Без цыганской вольности душа.

Гей, чавелы,
Где же вы, цыгане?
Чьи там карты
Выцветили наст?
Расковались
Тёмный и Буланый.
Навсегда в судьбе сковали нас.
Не в степи бессмертник,
У порога.
Наша радость, ваша песнь –
В былом.
Не гадай, цыганка, мне в дорогу,
Полыхнув цветастым подолом:
Разве ж мы не вместе к краю света
По казённой столбовой
В пыли
Под стальные звонкие браслеты
Без коней протопали-прошли?

НЕ ЖАЛЕЙ

Трудно жить.
Но ещё тяжелей
Уходить в никуда,
Для распада!
Не жалей ты меня... не жалей!
Молча – легче.
Прощаться не надо.
Слов не надо, прошу,
И не плачь.
Жизнь – обман,
Наша тайна и внешность.
Век двадцатый – народный палач –
Сжёг до пепла
Душевность и нежность.
Позабудь, что мы были близки.
Спутай даты.
Расчисли все числа.

Я за годы сокрытой тоски
Безнадёжно рыдать разучился.
Погляди на развей тополей,
На последний покой листопада.

Уходи.

Я прошу, не жалей.

Бог с тобой.

Бог с тобой.

Слов не надо.

ПОСЛЕЗАКАТНАЯ, ВЕЧЕРНЯЯ...

Послезакатная, вечерняя,
Из храма Млечного пути,
Звезда тревожного свечения,
Мерцай, равнинная,
Свети –
В земли озлобленное крошево,
Слепцам, творящим тьму из дня.
Нет ни грядущего, ни прошлого,
И нет в нём места для меня.
Давно расстался с прежним берегом,
Где бывают – любя,
Где чрут – кляня...
Не вижу ни друзей, ни недругов.
Все – мимо.
Всё – не для меня.

Здесь даже и в любви – прохожие,
Два мига в чувственном плену!..
Ищу улыбку – милость Божию.
Ладонь навстречу протяну.

У КРАЯ ОБНИМИ

Кого я жду?
Чего я ожидаю
На жизненной и поздней полосе?
Совсем один.
Луна немолодая
Да ветра шум
В не скошенном овсе.
Утратно так...
Но о какой утрате
Я укоряю жёлтый свет луны?
На нём одном,
На жизни млечном тракте
Мои не встречи определены.
Кому кричу,
Шагнув за край свой звёздный:
«На миг, на миг;
Остановись на миг»?

Не всё ещё –
Почти –
Ещё не поздно...
Есть я и ты.
У края обними.

ИЗГНАННИКИ МОИ

Изгнанники мои,
Ведь не по доброй воле
Расстался с вами я,
Вернитесь вновь ко мне!
Вернитесь хоть на миг,
Уймите в сердце боли —
О, как мне тяжело!
Душа моя в огне.
Осеннею порой,
Когда с увядших вётел,
Кружась, слетает лист
На жёлтую траву,
Я страшно одинок,
Мне горько жить на свете.
Чего ж ещё я жду?
Зачем ещё живу?
Без вас в чужом краю

Я стал бескрылой птицей.
Кружатся надо мной
И падают снега.
И родина моя
Мне всё ночами снится.
Мне снится тёплый юг.
Мне снится тёплый юг.

ПОКА ЖИВУ

Тысячелетье,
Век больной к итогу.
Я мог бы молвить грусти:
«Не неволь.
Ведь столько боли в прошлом.
Слава Богу.
О чём ещё у края жизни боль?»
Мутит меня,
Когда по «белым пятнам»...
Шагают толпы к свету алтаря!
И мог бы быть я
Косным и невнятным,
О лжи и зле
Бесстрастно говоря?
За краткую,
Греховную, святую
Ярем влача,

Таская котому,
Лишь потому
И рвусь я, и бунтую,
Что жизнь люблю,
Лишь только потому.
Отринь речей сценические вести,
И роль шута,
И властность палаша,
И пой, и плачь
Всегда,
Со всеми вместе,
Пока ты здесь,
Пока живёшь, душа.

Стихи из подвала

Конец 70-х – начало 80-х, Пермь

НЕ ОДНА ЛИ ДОРОЖКА ВО ПОЛЕ...

Лесовые,
Заречные веси!
Принимаю, земля,
Что дано.
Не замёрзшею иволгой песня
Пусть звенит для тебя
Для одной.
По неволе
И вольности бегал.
Пропадал
У лешачьих хором,
Чтоб картошку достать.
Из-под снега
Корневых,
Родовых хуторов.
Не одна ли дорожка во поле...

Да и ту промело добела.
И не надо
Ни доли, ни воли,
Кроме той,
Что ты, Русь, мне дала.

СОЙКА

Стонет сойка.
Плачет сойка,
Друг-напарница.
Прокричи-проведай,
Сколько
Мне мытариться?
Лягу – трудно.
Встану – рано.
По полуночи,
По Руси
В ключи-бураны
Голос выкричу.
Выльюсь
В поле родовое
Хворью синею –
Над невестой,
Над вдовою,

Над Россиею.
Жалко лгущих за монету.
У подёнщика
Потолка на небе нету,
Нету донышка.
Мне не драться,
Не бороться
С лютью-выбелью!
Выпью
Горечи колодцы –
Молча вылюблю.

СНЕГАМИ ПРИБЬЁТ...

Снегами прибьёт лебеду.
И следом,
По ярови синей,
Я тихо
В Россию войду
И молча пройду по России.
Поднимется к небу душа
И стихнет,
Вселенной послушна.
Не надо меня утешать.
Прошу, утешений не нужно.
Во след ураганной зиме,
Сквозь белые,
Беглые глыбы,
Пошлите мне
Тайну улыбок,
Чего я в судьбе не имел.

Мне каждую осень, клубясь,
Летать над равнинною синью.
Не мы открываем себя,
Но мы
Продолжаем Россию.

НИЧЕЙНОГО – НЕТ

Неизбежно идут
За земными –
Душевые раны.
Есть ничейные судьбы
Тогда,
Когда сам ты ничей.
Обо всём и всегда
Говорил я с Россией на равных,
Постигая душой,
Что не будет
И нет мелочей.
За пожарами – засухи.
Через холеру – да в войны.
Ураганные
Ахали ветры
Под дрожь парусов!

Ты глядела мне в душу,
Говоря:
«Не рывками, спокойно...»,
Понимая прекрасно,
Что весь я рывок и бросок.
От прямых попаданий
Разносило судьбу,
Словно терем.
Человеческих душ
Маковели степями цветы.
Через жгучие,
Тяжкие
Невероятно потери
Открывал я в лице твоём
Тайства новых святынь.

КОГДА В ДОРОГУ ХЛЕБА НЕТ...

Когда в дорогу хлеба нет,
И нет в душе тревожных истин,
Пошли не, Господи, монет
В ладони – липовые листья.

Когда от жажды жжёт в груди,
И вместо песен – грай вороний,
Пошли мне во поле дожди,
Вдали от взглядов посторонних.

Есть трудный и полегче путь.
Из них предпочитаю первый.
В мои запястья и стопу
Вонзи гвоздей калёных веру.

Оставь мне сердце в доброте,
Чтоб мог прощаться и встречаться.
А что касается потерь,
Без них я был бы слеп – от счастья.

БЕЛЫЙ СВЕТ

Белый свет – куда ни кинь!
Навзничь поле валится!
Развалились башмаки.
Леденеют пальцы.
Как на лошади – с прутом!
Перекосом харя!
То прискоком, то в притоп
Я куда-то шпарю.
А вокруг, по сторонам,
С ноября до мая
Спит родная сторона,
Век не подымая.
Пусто в поле. Белый свет.
Дальнее мерцанье.
Проще в мире счастья нет,
Чем душа пацанья.
Лучше нет, чем на Руси!

Тут и Змей, и Леший.
Захотел – заголосил.
Не придут утешить.
Снег далёкий. След глубок.
Уж не я ли это?
И сосулька над губой...
Где же детство? Нету.
Где оно – не знаю сам.
Ни добра, ни лиха.
Ходит ветер в волосах
Белою гречихой.

РОМАНС

Далёкий гром –
Приглушённый, не гулкий.
Чего, душа,
Чего ещё ты ждёшь?
Прошедший день.
Косые переулки.
Дома. Огни.
Качающийся дождь.
Чего ты ждёшь
С надеждою упрямой?
Нас больше нет вчераших.
Больше нет.
И этот мир –
Через двойные рамы
Угасший гром
В далёкой вышине.
Не жди, душа.
Не будет откровений.

Они прошли.
Куда ни кинешь взгляд:
Любви земной
Короткие мгновенья,
Тоски земной
Раскатные поля.
И эта боль к себе
Не потому ли,
Что больше яви
Призрачность любя,
Самих себя
Мы горько обманули
Для лучших лет...
И только ли себя?
А что они:
Не призрак ли, не иней?
Хотя бы звук,
Хотя бы лёгкий след...
Для лучших лет,
Которых нет в помине,
Один обман,
Изменчивый, как свет.

ПЕСНЯ

Занялось крутое небо грозами!
Что ты, пёс, стенаешь у плетня?
В глинозёме, в рощице берёзовой
Нет ещё надела для меня.

Я ещё бешусь, кричу и хвастаю
Тем, чего и не было совсем...
Задыхаюсь песней залихватскою,
Как бураном в средней полосе.

Корневыми кровно связан узами
Я с судьбой – ухабистой, как Русь.
И душой, лихой и не заузданной,
Никогда с покоем не смирюсь.

Поднимись февральской бурей ночью,
Выйди летом за глухую рать –
Буду я кричать печальною волчьей
И лешачьим голосом пугать.

Ну, какая ж Русь без этих песен!
Приходи и с ними заодно
Над мою памятью посмейся,
Как смеялись в жизни надо мной.

АХ ТЫ, МАТУШКА...

Ах ты, матушка,
И отец ты мой,
Расскажу я, как
Не пришёл домой.
Припадал к земле
Пухлотой лица.
Ночью снится хлеб,
Утром — кажется.
Я не смог снести
И украл кусок.
Да от слабости
Не добёг в лесок.
Как давай меня —
Куда попадя!
Даже мир пошёл
Звёздной опадью.

Я упал в траву,
А мне – в мурло, в мурло.
И ревмя реву
Я на всё село.
Не щадит бока,
Свищет тросточка
С ветерком – с кондака –
Да с перекрёсточка!
Я припал к земле.
Пыль гробастая...
А на чёрный хлеб –
Слёзы красные.

ПО РОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Поле моё, поле.
Ветры – как сычи.
Нету в русской доле
Равных величин.
Милости ли, раны –
Кони быстрые.
И свои тираны,
И рабы свои.
Ото лжи до правды –
Безоглядь степей.
А пошли награды –
Хоть воруй, хоть пей.
За деньги невеста
Прибежит к окну.
Подхалиму – место,
Праведнику – кнут.

Что во мгле, что в зареве –
Без небес. Без дна.
Улетели за море,
Кто тебя не знал.
На виду у публики,
Веселясь до слёз,
По родной республике
Я бегу, как пёс.

НА СЕМИ ВЕРСТАХ

На семи верстах,
По-над рощею
Помертвела сталь,
В землю вросшая.
Под осинами,
В землю лицами —
Пали сильные
Небылицами.
Небо — тучами
Да воронами.
Ветер —
Хлюпами похоронными.
И такой покой.
И такая тишина.
Вой хоть сто веков,
Всё не выплачешь.

Были детками,
Были братьями...
Стали дерзкими.
Стали ратями.
На распах мундир!
Доля бранная –
В молодой груди
Рана рваная.
У чужих равнин,
На руке кольцо,
Ты лежишь один,
Ворон рвёт лицо.
Ни холма тебе,
Ни пригорочка.
Только пыль метёт
Лютой горечью.

НАД СЕМЬЮ ДЫМАМИ...

Над семью дымами –
Горю лакомо.
Тихо,
В голос мамин,
Вьюга плакала.
Мы с судьбой –
Едины.
Разненастится!
Ты поплачь, родимая –
Легче на сердце.
По хребтам, отрогам
Пролегла дорога,
Ледь-безличище!
Я теперь далёко:
Не увидишь окон,
Не докличешься.
И к тебе – не споро,

И конец не скоро
Уготованный.
Я теперь, как ворон,
За высоким бором
Окантованным.

ОБРАТАЮ В ПОЛЕ ВЬЮГУ!

Обратаю
В поле вьюгу!
Свистну,
Стиснув стремена!
Разбуди, моя подруга,
Глухомань по сторонам!
Чтоб взрывалось
Тяжелее
Пламя в северных глазах –
Потеряем, не жалея,
Что отвёрстano назад.
Пыль – потери.
Дым – открытья.
Гололедье поперёк.
Лихо
Вкованы копытья
В хмель
Раскованных дорог.

БЫЛИ ДРУГИ...

Были други,
Да не те:
Всё вокруг да около.
Лишь под окнами
Метель
Каблучками топала.
Снеговая стынь волос
Суждена мне
Смолоду.
Ничего не испеклось
Из того,
Что смолото.
Всё, что было,
Ставил на кон,
Не по масти
Да не в ум:

Вместо девки
В цветень мака
Жизнь сосватала
Вдову.

ТВОЁ – В ТЕБЕ

Дождь косой.
Трава кривая.
Дальний
В поле хуторок
Дымом отчим
Согревает
Во глуби
Родных дорог.
Сколько веры!
Сколько воли!
И летит
Через века
Русь,
Рассеянная в поле,
В куполах
И ветряках.
Дождь прошёл.

За хмарью лёгкой –
Это нам,
Гляди, гляди –
Светит во поле
Далёком
Русский
Месяц-молодик.

ОЙ, ПО ПОЛЮ...

Ой, по полю, по балкам, по спускам
Ходит память и плачет по-русски.
Ходит память землёю горящей,
Долю во поле ищет незряче.

Не тужи, не ходи круг за кругом,
Не зови убиенного друга –
Стало поле полынью-травою,
Стала девица чёрной вдовою.

Где ты, долюшка, где ты, какая?
Ходят дети, отцов окликая.
Ходит дождик по ярови синей,
По России, по всей по России.

МОЛЮСЬ НА КОЛЕНЯХ В ПЫЛИ

Кто сказал, что не чувствуют птицы?
Кто сказал,
Что не плачет трава?
И душа,
Перед тем, как разбиться,
Высочайшей печалью жива:
К маяку, к тростнику у болотца,
К тополям, что вросли в хутора,
Ко всему, что ещё остаётся,
Ко всему, с чем прощаться пора...
Поглядишь на врага, как на брата,
Чуж сердцем некрепкую нить –
Как же так,
Уходить без возврата?
Как же так,
Чтоб не стать,
Чтоб не быть!?

Тяжко, душно –
Вон месяц над чащей!
И молюсь на коленях в пыли – Будто
мне,
По ошибке дичайшей –
Приговор
Безнадёжный
Прочли.

Содержание

Песни о России

Приснись	6
Русь моя воспетая	8
В ледяном желобке високосного года	10
Говорил я с Россией на равных....	13
Вороны	15
Звонарь	17
От вечного поля России.....	18
То ли глупо верили.....	20
Облака, облака.....	21
Лунно-просветлённо.....	23

О войне

Снега и синицы	25
В городе тихо.....	27
Переснеги.....	29
И грела живого.....	32
По солдатскому долгу – терновый венец.....	34

Один за всех

Гибель тьмы.....	37
Если взорвано всё.....	38
Я знаю	39
Как бы сделать.....	40
Вперёд, моей жизни лошадка!	41
В. Громову.....	42
Пуля с фронта.....	44
На холме три тополя....	49

Лагерные

Ванюха	52
Белый пар скользит...	55
Не спешите, снега, на поминки ...	56
Чёрный снег.....	58
Седой в тумане седом	60
По дальней-дальней.....	63

Лирические

Тополёк.....	66
Кто-то нас перепутал...	67
Калина – горькая, как память.....	68
Счастье	69
Метелью заметает...	71
Мы не встречались.....	72
Сердце, не дури.....	74
Грядущее – темень	75
Порой себя не мучаю.....	77
Узкоколейка	78
Заброшенная узкоколейка	80

Не гаси, родная, свет.....	82
Знаю, в хмурые дни....	84
Любовь моя, боль, всё земное.....	86
Гляну во все стороны.....	88
Помолчим.....	89
Ослепший лебедь	91
И опять согреваюсь.....	93
Сколько радости.....	95

Бытовые

Верочка-Вера.....	97
Над светлой памятью воды	99
Как немо, как стыло.....	100
Окончен день	102
Гасит свет городская округа.....	103
Обелиски.....	105

У края обними: Романсы

Не завидуй птицам	108
Ах, как пел соловей.....	110
К исходу	112
Не прикрывай седую прядь	113
Снегирёчки	115
Боже мой!.....	116
Тёмный и буланый	117
Не жалей	119
Послезакатная, вечерняя...	121
У края обними	123
Изгнанники мои	125
Пока живу	127

Стихи из подвала: Конец 70-х – начало 80-х, Пермь

Не одна ли дорожка во поле.....	130
Сойка	132
Снегами прибьёт...	134

Ничейного – нет	136
Когда в дорогу хлеба нет...	138
Белый свет	140
Романс	142
Песня.....	144
Ах ты, матушка.....	146
По родной республике	148
На семи верстах.....	150
Над семью дымами....	152
Обратаю в поле выюгу!	154
Были други.....	155
Твоё – в тебе	157
Ой, по полю...	159
Молюсь на коленях в пыли	160

Литературное издание

Михаил Сопин

СНЕГА И СИНИЦЫ

Песни и романсы

Составитель:

Татьяна Сопина

Корректор:

Нина Писарчик

Верстальщик:

Наталья Новожилова

Формат 60x84/32.

Ус. п. л. 4,9. Тираж 200 экз. Заказ № 196.

Отпечатано: ИП Киселев А.В., г. Вологда,
Пошехонское шоссе, 18, корп. Н.

9 785906 945150